

УДК 903.2

Л.В. Лбова*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН**ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670041, Россия**E-mail: muzey@pres.bsc.buryatia.ru*

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ (материалы западного Забайкалья)*

Введение

История изучения забайкальского палеолита насчитывает более 120 лет. К настоящему времени результаты исследований оформлены в серии публикаций, отражающих различный уровень представления, обобщения и интерпретации фактов [Окладников, 1959; Окладников, Кириллов, 1980; Абрамова, 1989; Константинов, 1994; Лбова, 2000; и др.]. В последнее время открыт и изучается целый ряд интересных комплексов, отнесенных к “переходному периоду” и началу верхнего палеолита. Многие из них неизвестны зарубежным исследователям, а некоторые представлены в специальной отечественной литературе фрагментарно, что создает определенные трудности для территориальных и хронологических корреляций.

Необходимо отметить, что к настоящему моменту получены материалы, свидетельствующие о довольно раннем заселении территории в эпоху нижнего палеолита: комплекс с галечной индустрией Засухино в Юго-Восточном Прибайкалье [Лбова, 2001а], серия местонахождений Сельгер с бифасиальной индустрией и леваллуазской технологией (на юге Бурятии, практически на границе с Монголией). Среднепалеолитическое время представлено нижними горизонтами комплекса Хотык, приуроченными к отложениям раннезырянского и казанцевского времени (от 55 – 60 до 130 – 150 тыс. л.н.), материалы этих горизонтов демонстрируют как традиции галечных

индустрий, так и леваллуазскую и протопризматическую техники. Большую и достаточно изученную за последние 20 лет серию представляют комплексы “переходного периода” – начала верхнего палеолита. Индустрии памятников Варварина Гора, Каменка, Толбага, Подзвонкая, Хотык и других свидетельствуют о сложном, ярком и динамичном процессе становления и развития культуры человека современного физического типа. Следующая эпоха, классической стадии и финала верхнего палеолита в Забайкалье, в целом довольно полно охарактеризована в специальной литературе на материалах многочисленных местонахождений (Ошурково, Студеное, Усть-Менза, Усть-Кяхта, Мастеров Ключ, Усть-Итанца, Мухор-Тала и др.). Несомненно, схема организации палеолита в Забайкалье далека от окончательного варианта, но в целом намечены основные ее разделы [Константинов, 1995; Лбова, 2001б].

В рамках обозначенной проблемы дискуссии, требующей оценки комплексов с единых методических позиций, предлагается рассмотреть индустрии северной зоны Западного Забайкалья, представленные на объектах Брянского (Каменка, Варварина Гора, Мухор-Тала-4) и Онинского (Хотык) геоархеологических районов, изучаемые нами с 1989 г. [Лбова, 2000]. Предприняты шаги в определении места забайкальских вариантов палеолитических культур в рамках широких территориальных образований, терминологически определяемых как “пласт” (“линия развития” или “историко-культурная область”). Как нам представляется, на данном уровне исследований и изученности забайкальского палеолита более уместны интерпретации именно технологических линий, имеющих довольно широкие территориальные границы,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 01-06-80355), РГНФ (проект № 01-01-00295а) и интеграционного проекта СО РАН № 74.

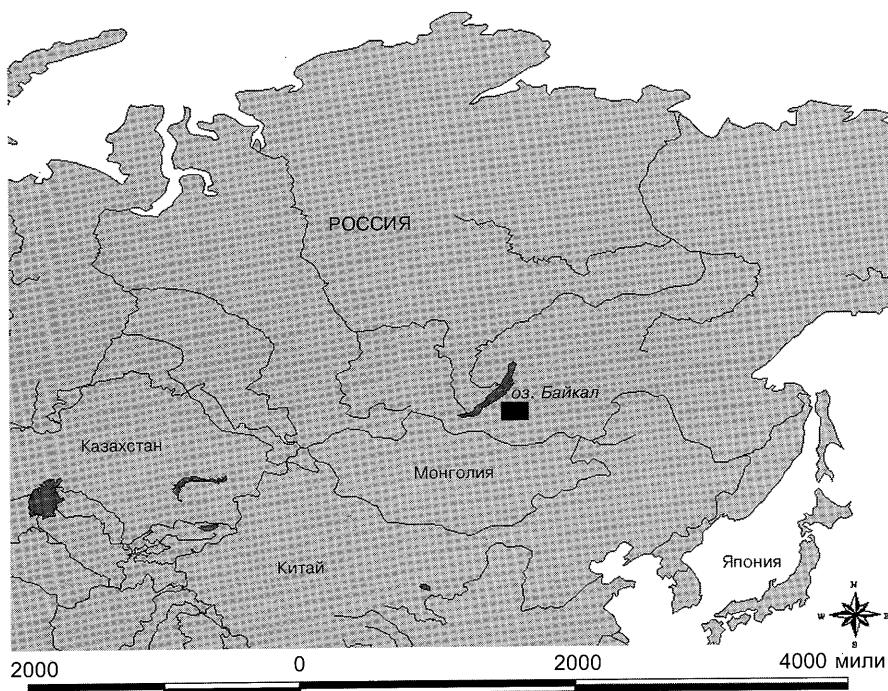

Рис. 1. Географическое положение территории исследования.

а не локальных археологических культур (как, например, толбагинская и куналейская, выделенные М.В. Константиновым). При этом несомненно наличие “индивидуальных портретных характеристик” каждого комплекса или группы, отражающих культурную вариабельность, функциональную специфику или степень изученности конкретного объекта.

Геоморфология, палеогеография и стратиграфия

Территория Западного Забайкалья расположена в зоне контакта крупных природно-ландшафтных областей субконтинентов Северной и Центральной внутритропической Азии, в пределах Монголо-Сибирского складчатого горного пояса с очень разнообразными природными условиями (геологическое строение, рельеф, климат, воды, почвы, биота и ландшафты). Центральная и северная части Западного Забайкалья, охватывающие Удино-Витимскую контактную территорию, представляют собой сложную географическую систему, в структуре которой нашли отражение основные черты природы бореально-таежного и бореально-степного планетарных азиатских типов. Район наших исследований находится на стыке Селенгинского среднегорья и Витимского плоскогорья (рис. 1). Территория, таким образом, занимает пограничное положение между двумя крупными геоморфологическими областями, в ландшафтно-климатическом и геоморфологическом отношениях наследует более черты Селенгинского среднегорья.

Рельеф района исследования отличается расчлененностью, приподнятостью над уровнем моря, значительными перепадами высот. Преобладающими формами земной поверхности являются средневысотные горы. Господствует северовосточное протяжение основных орографических линий и юго-западное для боковых притоков. Горные хребты относятся к средневысотным, достигают 1 000 – 2 000 м. Большинство из них с пологими склонами и сравнительно низкими перевалами, плоские массивы и отроги отделены друг от друга широкими падами. Между горными хребтами и их крупными отрогами лежат довольно глубокие и относитель-

но широкие долины и межгорные понижения. Долины рек расположены в пределах 600 – 700 м абсолютной высоты [Буянтуев, 1964].

Географическое положение определяет резко выраженный континентальный климат с большими амплитудами колебания годовой и суточной температур и обилием солнечных дней, что оказывает большое влияние на ход современных рельефообразующих процессов, а особенно на интенсивность выветривания горных пород, глубину промерзания почв, действие летних паводков.

Положение территории на границе двух различных природных зон – Восточно-Сибирской горно-таежной и Центрально-Азиатской степной – создало большое разнообразие и особый тип распределения почвенно-растительного покрова. Характерно разнообразие природных зон. Нарушение обычной для равнинных территорий последовательности перехода от одних зон к другим является существенной чертой Забайкалья в целом.

Памятники эпохи среднего – верхнего палеолита связаны с позднечетвертичными субаэральными отложениями присклоновых шлейфов делювиально-пролювиального генезиса, широко представленными в Удинской депрессии (рис. 2), что определяет специфику и методические основы исследовательских работ. При изучении сложных геоархеологических объектов, залегающих в различных геологических слоях предгорных зон, нами учитывается фактор смены генезиса вмещающих геологических (естественных) отложений при различном содержании антропо-

1

2

Рис. 2. Общий вид палеолитических местонахождений Каменка (вид с юга) (1) и Хотык (2).

Рис. 3. Стратиграфический разрез северной стенки с датами РТЛ и ^{14}C . Хотык.

погенного материала, свидетельствующий об изменении условий обитания человека или о чередовании культурных слоев со слоями вторичной концентрации [Медведев, Несмеянов, 1988]. Мощность культуросодержащих отложений в среднем 3 – 5 м, в отдельных случаях до 10 м. Комплексное изучение таких объектов позволяет фациально и хроностратиграфически выделить различные климатические условия осадко-накопления, предложить реконструкцию природной обстановки в период обитания человека и выявить особенности захоронения (и перезахоронения) следов его жизнедеятельности.

В настоящей работе представлены материалы исследований двух геoarхеологических районов Удинской лесостепи – Брянского (Каменка, Варварина Гора, Мухор-Тала-4) и Онинского (Хотык). Комплексы относятся к слоям *первичной* (Варварина Гора (3), Хотык (3 – 6), Каменка (А), Мухор-Тала-4), *остаточной* (Варварина Гора (1, 2), Хотык (2), Хотогой-Хабсагай, Каменка (Б)) и *вторичной* (Хотык (1)) концен-

трации культурного материала. Указанные разрезы апробированы серией методов естественных наук, абсолютного и относительного датирования [Лбова и др., 2000; Лбова, 2000] (рис. 3).

Изучение континентальных верхнеплейстоценовых отложений на территории Западного Забайкалья, а также интерпретация и корреляция с результатами исследования байкальских кернов (проект “Байкал-бурение” на Академическом хребте), позволили представить картину изменения природной среды в верхнем плейстоцене в целом [Антощенко-Оленев, 1982; Базаров и др., 1982; Грачев и др., 1997; Резанов, 1988; Равский и др., 1964; Лбова, 2000; Лбова и др., 2000].

Наши исследования в области реконструкции природной среды, проведенные в последнее десятилетие на опорных геoarхеологических разрезах Удинской лесостепи, подтвердили исследовательскую позицию об отсутствии перигляциальных ландшафтов в верхнем плейстоцене в Западном Забайкалье, а также уточнили и дополнили материалы по реконструкции мик-

роклиматов боковых долин Удинского бассейна [Дергачева и др., 1995; Резанов и др., 1999; Лбова, 2000]. Ограничимся краткой характеристикой климатохроннов, содержащих остатки культуры человека эпох среднего – верхнего палеолита.

Казанцевские отложения ($110\,000 \pm 15\,000$, $148\,000 \pm 17\,000$ л.н.), представленные различными генетическими типами в Удинском бассейне, оказались культуросодержащими в разрезе Хотыка (нижняя часть, уровни 5, 6). Выявлен педокомплекс – два горизонта палеопочв, аналитическая характеристика которых только начата.

Раннезырянские отложения представлены как аллювиальными, так и склоновыми осадками. В частности, средние горизонты зырянского возраста ($61\,000 \pm 7\,300$, $65\,000 \pm 6\,500$ л.н.) онинской и удинских террас сложены рыхлыми, отмытыми, желтыми и темно-желтыми песками, в которых преобладают средне- и мелкозернистые фракции (до 80%) с редкими дресвяно-щебнистыми включениями (5%) и примесями глинисто-алевритовых частиц (15%). Склоновые отложения нижней части разрезов Хотыка, Хотогой-Хабсагая и Варвариной Горы представляют собой бурые и желтовато-каштановые суглинки, обогащенные дресвой. Отмечается включение лент глинистого материала серого цвета длиной до 25 – 30 см. Карбонатизация наблюдается в виде мелких точек. Обильное включение дресвы и гравия, а также грубообломочного материала свидетельствует об активизации выветривания и усилении делювиально-пролювиальных процессов [Резанов и др., 1999]. Характерным стратиграфическим маркером определена серия морозобойных клиньев в кровле горизонта.

Во всех разрезах указанные горизонты практически не содержат пыльцу и споры. Только в разрезе Хотыка (раскоп 2) получен обедненный вариант спорово-пыльцевого спектра, в котором отмечена пыльца злаковых (*Gramineae*), сложноцветных (*Compositae*), полыней (*Artemisia* sp.), верескоцветных (*Ericaceae*), единичные зерна сосны обыкновенной (*Pinus silvestris* L.), что указывает на распространение открытых, безлесых ландшафтов, сформированных степными группировками. Климатические условия предположительно были сухими и неблагоприятными как для произрастания растений, так и для сохранения пыльцы и спор (щелочные условия захоронения) [Савинова, 1999]. Анализ палеопедологических данных, полученных на объектах Онинского района, позволяет говорить о слабой педогенной преобразованности раннезырянских осадков, что, вероятно, связано с достаточно суровыми условиями его формирования [Вашукевич и др., 1999]. Фаунистически остатками представлены степные животные – носорог, дзюрен, лошадь, бык, из мелких грызунов определены полевка Брандта и сурок.

Таким образом, самые ранние по возрасту культурные горизонты Хотыка (4 – 6) включены, несомненно, в казанцевско-раннезырянские отложения, которые диагностируются палинологическим, литолого-фациальным, палеопедологическим методами и данными РТЛ-датирования (табл. 1) [Резанов и др., 1999; Савинова, 1999; Вашукевич и др., 1999; Лбова, 2000]. На сегодняшний момент довольно сложно определиться с аналогиями в среднем палеолите Сибири и Центральной Азии в связи с недостаточностью наших материалов. На Алтае наиболее близкую геологическую позицию занимают комплексы мустье Кара-Бомы, Усть-Каракола-1 (слои 13 – 19), Денисовой пещеры (слои 12 – 21); в Монголии – нижняя часть третьего цикла осадконакопления в пещере Цаган-Агуй [Деревянко, Петрин, Рыбин, Чевалков, 1998; Деревянко, 2001].

Каргинские отложения Западного Забайкалья наиболее изучены благодаря комплексным геоархеологическим работам, поскольку наибольшее количество известных забайкальских палеолитических местонахождений связано именно с каргинским периодом верхнего плейстоцена. По генезису культуросодержащие каргинские отложения различны. В Селенгинском среднегорье они представлены аллювием III надпойменной террасы р. Селенги и ее притоков. Накопление, очевидно, происходило в раннезырянское время и закончилось во второй половине каргинского межледниковья. Одновременно с завершением образования аллювия III террасы формировались древние аллювиальные слои II удинской террасы ($33\,000 \pm 6\,600$ л.н.) [Базаров и др., 1982; Васильев и др., 1993; Лбова и др., 2000]. Климат каргинского межледниковья в целом был довольно теплым. К концу периода отмечаются признаки более сухих и холодных условий. Для каргинских отложений характерна повышенная карбонатность. По педогенным характеристикам в онинских разрезах они условно разделены на две части. В нижней отмечается наличие слоя тяжелого суглинка, обогащенного обломочным материалом, трещиноватого по структуре, с линзами крупнозернистого песка. Характер субэдральных образований первой половины каргинского межстадиала в Забайкалье четко не определен, но нам представляется, что эта часть разреза относится к раннекаргинскому или финальному этапу раннезырянского (ермаковского) времени [Резанов и др., 1999]. В таких толщах наблюдаются глинистые прослои, а также почвенные дериваты, которые выделяются более темными тонами окраски. Содержание общего углерода здесь несколько повышается до 0,3% (по сравнению с раннезырянскими отложениями), особенно в гумусированных фрагментах – до 0,4 – 0,5%, отношение $C_{гк} : C_{фк}$ равно 0,24 – 0,27. В этом же фрагменте отмечается некоторое относительное снижение содержания карбонатов и повышение содер-

Таблица 1. Результаты датирования по ^{14}C и методом РТЛ палеолитических комплексов бассейна р. Уды

Памятник	Уровень, комплекс	Дата, л.н.	Лабораторный индекс		
Варварина Гора	1	17 050 ± 400	СО АН-3053		
		29 895 ± 1 790	СО АН-3054		
	2	30 600 ± 500	СО АН-850		
		34 900 ± 780	СО АН-1524		
		34 050	АА-8875		
		35 300	АА-8893		
Каменка	А, С	26 760 ± 265	СО АН-3353		
		30 220 ± 270	СО АН-3354		
		30 460 ± 430	СО АН-3133		
		31 060 ± 530	СО АН-3052		
		35 845 ± 695	СО АН-2904		
		40 500 ± 3 800	АА-26743		
		24 625 ± 190	СО АН-3031		
	Б	25 540 ± 300	СО АН-3355		
		28 000 ± 475	СО АН-2903		
		28 060 ± 475	СО АН-2903		
		28 815 ± 150	СО АН-3032		
		Хотык	1	22 000 ± 2 500	ГИ СО РАН № 242
				26 000 ± 3 000	ГИ СО РАН № 241
			2	26 220 ± 550	АА-32669
27 000 ± 3 000	ГИ СО РАН № 245				
32 000 ± 4 600	ГИ СО РАН № 155				
45 000 ± 6 800*	ГИ СО РАН № 243				
49 000 ± 7 000*	ГИ СО РАН № 153				
56 000 ± 4 000*	ГИ СО РАН № 153				
3	34 000 ± 6 000			ГИ СО РАН № 244	
	63 000 ± 9 500			ГИ СО РАН № 235	
4	65 000 ± 8 000			ГИ СО РАН № 246	
	70 000 ± 13 000			ГИ СО РАН № 236	
5	85 000 ± 9 000			ГИ СО РАН № 239	
	91 000 ± 3 000			ГИ СО РАН № 157	
	98 000 ± 12 000	ГИ СО РАН № 237			
	Хотогой-Хабсагай	2	25 000 ± 4 300	ГИ СО РАН № 234	
46 000 ± 6 500			ГИ СО РАН № 229		
3		55 000 ± 8 300	ГИ СО РАН № 232		
		64 000 ± 7 600	ГИ СО РАН № 321		
4		120 000 ± 11 000	ГИ СО РАН № 154		
		190 000 ± 25 000	ГИ СО РАН № 158		

*Вероятна примесь более древних кварцев.

жания обменных Ca^{2+} и Mg^{2+} . Довольно высокой продолжает оставаться $\text{pH}_{\text{водн.}}$ (8,8 – 8,9) [Вашукевич и др., 1999].

Верхняя часть представлена во всех разрезах Онинского района и характерна по морфологическим признакам для многих комплексов начала верхнего палеолита в Забайкалье (Варварина Гора (2), Толбага, Каменка (Б), Подзвонкая). Визуально в ней прослеживалось некоторое увеличение гумусированности, что выразилось в специфике аналитических данных. Верхняя часть каргинских отложений выделяется своеобразным “выпячиванием” кривой распределения карбонатов по профилю, содержание которых здесь достигает 10%. Гумус данной части профиля имеет гуматно-фульватный состав. Отношение $\text{C}_{\text{гк}} : \text{C}_{\text{фк}}$ близко к единице. Очень хорошо верхняя часть кар-

гинских отложений выделяется по возрастанию оптического коэффициента и уменьшению магнитной восприимчивости. Говоря о ее педогенной преобразованности, необходимо отметить наличие почвенного горизонта, сформированного в довольно теплых и относительно сухих условиях [Дергачева и др., 1995; Лбова, Савинова, Вашукевич, 1999; Вашукевич и др., 1999].

Спорово-пыльцевые комплексы свидетельствуют о господстве в каргинскую эпоху в Забайкалье березовой лесостепи (береза 24 – 75%) с сосново-лиственничными лесами (сосна 14 – 66%). Лесостепные ландшафты с разреженными осветленными лесами с единичными экземплярами широколиственных пород (лещина, орех, дуб, бук, вяз) и довольно богатым травянистым покровом перемежались со степными с травянистой растительностью мезоксерофи-

того типа [Резанов, 1988]. Полученный по онинским разрезам спорово-пыльцевой спектр указывает на то, что во время формирования каргинского горизонта существовали светлохвойные леса с темнохвойными элементами и верескоцветными в подлеске. В понижениях были распространены березовые леса с ивами. В тенистых хвойных и березовых лесах или зарослях кустарников развивались травянистая растительность, мхи и лишайники. На прогреваемых участках склонов росла ольха древовидная. Климатические условия были достаточно влажными и относительно теплыми [Савинова, 1999; Лбова и др., 2000].

Каргинская по возрасту часть онинских и брянских разрезов, представленная лессовидными супесями и суглинками, датирована в интервале 25 – 60 тыс. л.н. Даты по разрезам не противоречат относительной хронологии осадков и могут быть оценены как вполне корректные.

Нами определены хронологически различимые ситуации, связанные с нижней и верхней частями каргинского педокомплекса (малохетское и липовско-новоселовское время). Литологические слои, содержащие более древние, на наш взгляд, культурные остатки (Каменка (А, С), Варварина Гора (3), Хотык (3)), залегают стратиграфически ниже зоны позднекаргинского почвообразования, как правило, разрушенной сартанской солюфлюкцией. Такие горизонты связаны с морфологически хорошо выраженным прослоем гумуса (почвы) толщиной 2 – 4 см и характеризуют более теплые условия в период их формирования, чем вышележащие [Вашукевич и др., 1999; Дергачева и др., 1995]. Различие показателей по влажности может объясняться микроклиматами в отдельных районах, которые наблюдаются и сейчас. Данные абсолютного датирования для нижней части имеют разброс от 30 до 45 тыс. л.н. (см. табл. 1).

Геологической особенностью памятников начальной стадии верхнего палеолита – Варварина Гора (2), Хотык (2) и Каменка (Б) – является нарушение культурных слоев (уровней обитания) позднекаргинского возраста криогенными процессами, выразившимися в мерзлотных клиньях. Кроме того, в разрезах зафиксированы признаки плоскостного смыва кровли отложений, произошедшего в начале сартанской эпохи. Разброс данных датирования в интервале 25 – 35 тыс. л.н. (см. табл. 1).

Близкую стратиграфическую позицию занимают многочисленные памятники ранней стадии верхнего палеолита Сибири, датированные в интервале от 26 – 28 до 35 тыс. л.н. [Абрамова, 1989; Дервянко, Маркин, Васильев, 1994; Дервянко, Холушкин, Ростовцев, Воронин, 1998; Дроздов, 1992; Константинов, 1994; Стратиграфия..., 1990; и др.].

В составе фауны каргинского времени отмечено присутствие шерстистого носорога (*Coelodonta antiquitatus*), бизона (*Bison priscus*), лошади (*Equus caballus*), кулана (*Equus (Hemionus) hemionus Pallas*), гигантского оленя (*Megaloceros giganteus*), кяхтинского винторога (*Spirocerus kiakthensis*), байкальского яка (*Poephagus baikalensis*), дзерена (*Procapra (Gasella) gutturosa*), архара (*Ovis ammon*) и др. [Гермонпре, Лбова, 1996; Калмыков, 1999; Оводов, 1987]. Грызуны представлены полевкой Брандта, зайцем-толаем, песчанкой, степной пеструшкой, сусликом. Сочетание в палеолитической фауне степных и лесных видов объясняется мозаичностью ландшафтов, существующей и сейчас. Как и в современных условиях, очевидно, в каргинскую эпоху имели место и микроклиматические обстановки на отдельных территориях.

Тенденции похолодания и аридизации в позднекаргинское время, отмечаемые практически всеми исследователями, привели к изменениям природного комплекса в *сартанский период* (от 25 – 22 до 12 – 10 тыс. л.н.). Климат сначала был прохладный сухой, затем холодный увлажненный, а ранее 14 тыс. л.н. – умеренно теплый относительно сухой. В целом палеогеографические условия на сартанском этапе были сходны с обстановкой раннезырянского времени [Лбова и др., 2000].

При сопоставлении сырьевой базы и индустриальных комплексов удинских местонахождений палеолита обнаруживается избирательность в выборе сырья, при этом наблюдается предпочтение определенных пород в различные хронологические периоды. Район в целом отличается своеобразным геологическим строением, где участвуют вулканогенные, вулканогенно-осадочные и интрузивные породы различного состава и возраста. Основу индустрии более древних комплексов Хотыка (3, 4), Каменки (А), Варвариной Горы (3) составляют породы эффузивного происхождения – туфы различной степени окремнености (свыше 75%). Базальты, туфы кислых эффузивов, трахириолитовые порфиры, микрокварциты, кварц, халцедон, мергель единичны (от 0,1 до 10%). В более поздних, на наш взгляд, комплексах – Хотык (2), Варварина Гора (2), Каменка (Б) – процентное соотношение видов сырья меняется, увеличивается доля трахириолитовых порфиров (от 24 до 50%), базальтов (до 29%), сокращается – туфов (до 35%). В мухорталинских комплексах-мастерских сырьем служили местные окремненные туфы (до 99%). Горный хрусталь, халцедоны и дымчатый кварц, представленные во всех комплексах, имеют достаточно широкое распространение в долинах небольших боковых притоков Удинского бассейна [Кузнецова, 1999; Лбова, 2000].

Технико-типологические характеристики индустриальных комплексов

Рассматриваемые геоархеологические объекты Брянского и Онинского районов квалифицируются как сезонные поселения и стоянки с полным циклом обработки камня (Каменка, Варварина Гора, Хотык) и стоянки-мастерские (Мухор-Тала). Представленные комплексы могут быть определены как эталонные для Забайкалья, поскольку изучены в достаточной мере и отражают различные технологические традиции.

Техника первичного расщепления иллюстрируется преформами и нуклеусами различных типов, обломками нуклеусов (рис. 4; 5, 7–10; 6; 7, 4, 11, 12), техническими сколами (реберчатые пластины, сколы оживления площадок и плоскостей ядрищ, боковые сколы), представленными на всех объектах в той или иной степени. Наиболее распространенными в удинских комплексах являются нуклеусы параллельного принципа скалывания одно- и двухплощадочные с преобладанием монофронтальных ядрищ, плоскостные, призматические и подпризматические с негативами встречных снятий, производимых с полусных площадок.

Радиальные и ортогональные нуклеусы малохарактерны для удинских индустрий в целом и в верхнепалеолитических комплексах Варвариной Горы (2), Хотыка (2) и Каменки (Б) составляют 6–11% (см. рис. 5, 9; 6, 1, 4, 6, 7). Однако они играют доминирующую роль в среднепалеолитическом комплексе Хотыка (4) (рис. 8, 1).

Необходимо отметить присутствие нуклеусов леваллуа для получения пластин, отщепов и острий в коллекции Варвариной Горы (2) – 7,8% и Хотыка: 2-й уровень – 4,5%, 3-й – 9,1, 4-й – 20%. Как правило, они овальные, с типичным оформлением фронта черепаховидного ядрища и скошенными площадками. Нуклеусы типа леваллуа отмечены также в толбагинской коллекции (3,1%) и сборах на Сапун-горе (6,6%).

Наиболее ранние нуклеусы торцового принципа снятия известны по коллекциям Хотыка (2), Варвариной Горы (2), Каменки (А) (см. рис. 4, 3–5; 6, 5). Их представительство невелико (по 1–3 экз.), но примечателен сам факт появления торцового принципа скалывания в довольно раннее время (30–40 тыс. л.н.). Микронукле-

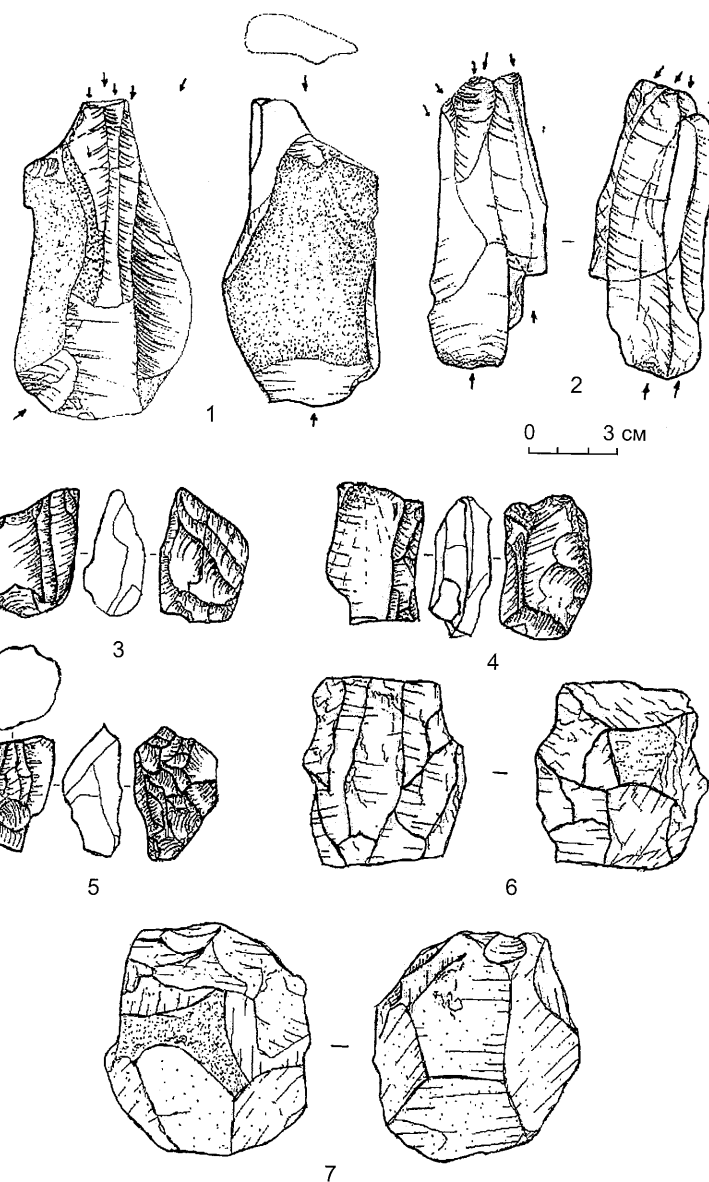

Рис. 4. Нуклеусы. Каменка.
1–3, 5 – комплекс А; 4, 6, 7 – комплекс Б.

усы, характерные практически для всех комплексов, расцениваются нами как результат различных процессов. В частности, довольно большой процент микронуклеусов в комплексе А Каменки – следствие дефицита сырья и практически полного истощения нуклеусов, а в комплексе Б и индустриях финального палеолита – результат технологического процесса.

Наблюдается сходство в процентном содержании нуклеусов “переходных” индустрий – в пределах 2,3–3,7%, что близко к значениям этого показателя на известных памятниках начальной фазы верхнего палеолита Забайкалья [Константинов, 1994].

Судя по характеристикам нуклеусов и отходов производства, в технологиях Брянского и Онинского

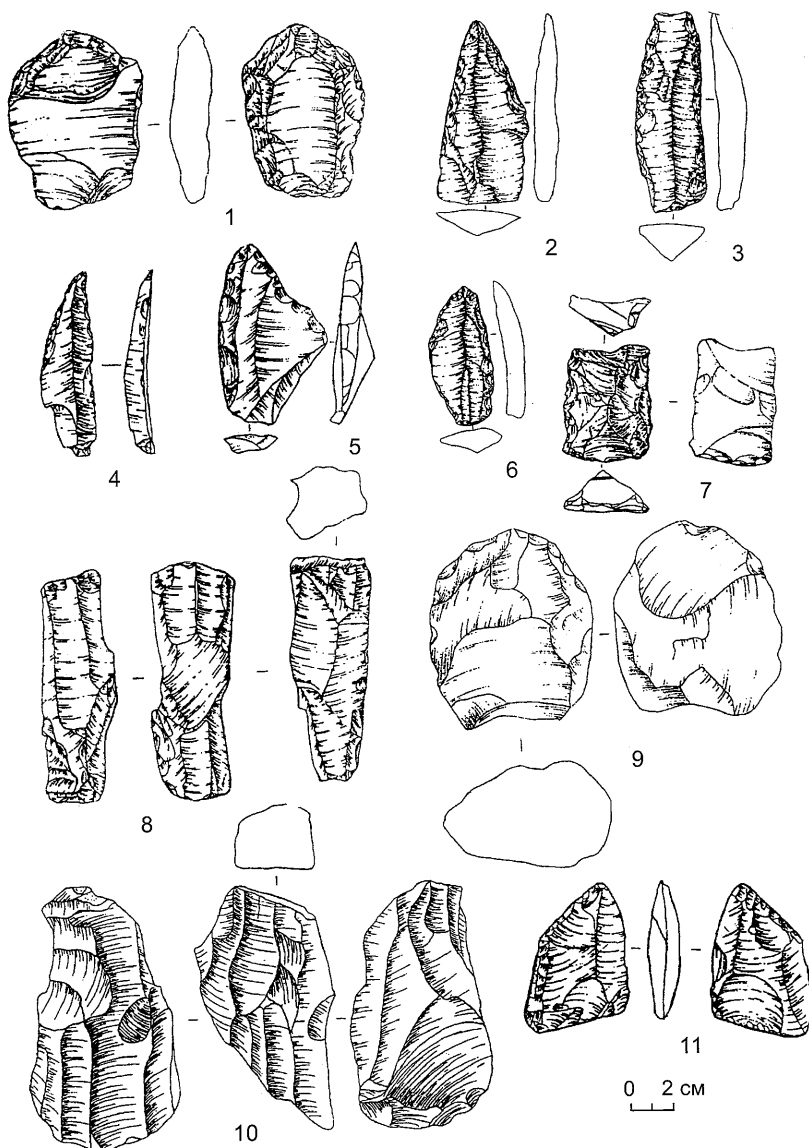

Рис. 5. Нуклеусы (7–10), скребла (1, 3, 5), остроконечники (2, 4, 6) и орудие дѣжѣте (11). Варварина Гора.

районов четко прослеживаются две традиции. Первая – техника пластинчатого расщепления, наблюдаемая на местонахождениях Варварина Гора, Каменка (А), Хотык (2, 3). Доля нуклеусов для получения пластин (параллельного принципа скальвания, плоскостных, одно- и двухплощадочных, подпризматических, торцовых) достаточно велика – от 60 до 75%. Пластинчатые сколы составляют в этих комплексах соответственно 41,9%, 44,2 и 40–44,6%. Обнаруживается определенная близость по показателям утилизации пластинчатых сколов-заготовок в ансамблях Каменки (А), Хотыка (3) и Варваринной Горы (от 68 до 85,5%) [Лбова, 2000]. Эти показатели близки к таковым в комплексе Толбаги [Константинов, 1994]. Использование

отщепов и галек в качестве заготовок для орудий в пределах от 9,6 до 28,8%.

Таким образом, представленные комплексы укладываются в рамки термина “пластинчатые индустрии”, в которых присутствуют продукты стадийного расщепления, свидетельствующие о намеренном производстве максимального количества пластинчатых снятий как определенного типа сколов-заготовок из одного субстрата [Гиря, 1997], и наблюдается дальнейшая их утилизация.

Второй технико-типологической традицией определяется индустрия 4-го уровня Хотыка, комплекса Б Каменки, и, очевидно, Мухор-Талы-4. Она характеризуется сочетанием леваллуазских ядрищ, долечного расщепления, нуклеусов радиального и ортогонального, а также бессистемного принципов скальвания, небольшим процентом изделий на пластинах и их фрагментах, наличием продуктов микрорасщепления (протоклиновидные формы и микропластины в комплексе Б Каменки и в коллекции Мухор-Талы-4) (см. рис. 4, 4, 6, 7; 8). Преобладание отщепов среди отходов (Каменка (Б) – 67,5%, Мухор-Талы-4 – 58,9%) и набор различных приемов вторичной обработки камня резко отличают указанную индустрию от пластинчатых. Ближайшим аналогом в Забайкалье представляется комплекс слоя 3 Куналея [Константинов, 1975, 1994; Базаров и др., 1982]. Развитие этой традиции наблюдается в материалах

горизонтов 3–5 Санного Мыса и в поздних комплексах Мухор-Талы. Технологические характеристики ансамблей Каменки (Б) и Куналея (3) очень близки: значительная серия так называемых ортогональных нуклеусов (кубовидные, дисковидные), составляющих более половины ядрищ; наличие торцовых клиновидных форм или их заготовок; присутствие леваллуазского компонента. Комплексы Каменки (Б) и Куналея демонстрируют типологическую близость. В качестве заготовок для орудий доминируют отщепы (72–74%); пластины присутствуют, но употребляются редко (9–10%); на долю галечных орудий приходится 15–18%. Эти показатели подтверждают технико-морфологическое сходство комплексов, бли-

зость их к одному культурному кругу (или традиции), отличному от описанных выше пластинчатых индустрий.

Довольно важен результат анализа технологических индексов ударных площадок. Особого внимания заслуживают высокие индексы фасетированности, отмечаемые на всех видах заготовок в комплексах “переходного периода”. Отличительным элементом технологии, очевидно, следует признать высокие индексы фасетирования площадок и придание им срединно-выпуклого контура в индустрии Каменки (А) и Хотыка (2, 3) (табл. 2). По показателю тонкого фасетирования (IF st) эти комплексы близки к мустьерским памятникам Алтая [Шуньков, 1990] и индустриям Макарова-4 и Арембовского в Прибайкалье [Escatenaire-Sitlivy, Sitlivy, 1996]. Намного ниже индексы фасетирования (в пределах 20 – 25) в более поздних комплексах Варваринной Горы (2), Хотыка (1) и еще ниже в верхнепалеолитических ансамблях Санного Мыса, Каменки (Б) (13 – 16).

Метрические характеристики демонстрируют практически полную идентичность комплекса А Каменки и коллекции 3-го уровня Хотыка (преобладают удлиненные заготовки), определенное сходство ансамблей Варваринной Горы (2) и Хотыка (2) (доминируют средние и удлиненные заготовки, имеются очень крупные пластины), близость коллекции 4-го уровня Хотыка и комплекса Б Каменки (превалируют укороченные заготовки).

Орудийный набор. Среди приемов вторичной обработки явно преобладают краевое дорсальное и вен-

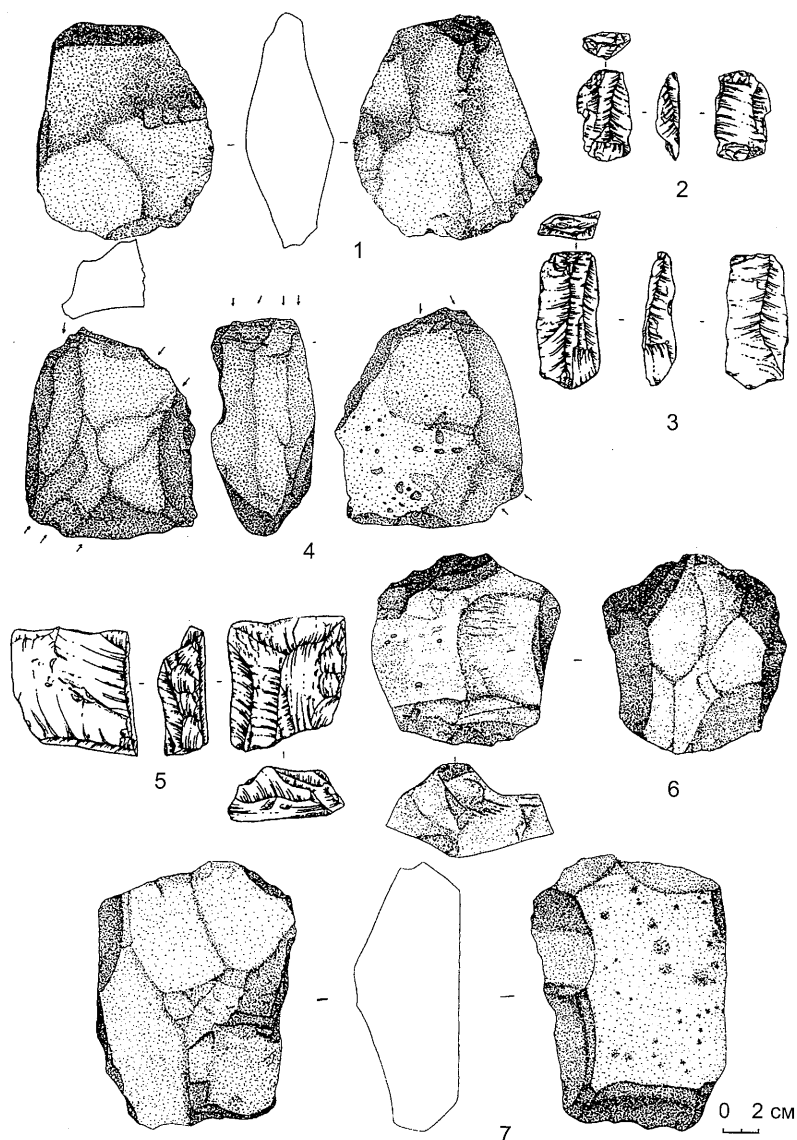

Рис. 6. Нуклеусы. Хотык, 2-й уровень.

тральное ретуширование, резцовый скол, подтеска и зубчатая ретушь. Наряду с ними имеет место оббивка, анкош, фрагментирование. Довольно высок процент инструментария в пластинчатых комплексах (22,5 – 29,8%). И напротив, отщеповые индустрии, демонстрируя своеобразие, дают показатели в 2 раза ниже.

Таблица 2. Техничко-типологические параметры “переходных” индустрий Удинской лесостепной зоны

Памятник	Уровень, комплекс	IL tech.	IL typ.	IF st	I lam	IR	I M	I UP
Каменка	А	–	2,4	41,4	44,2	0,2	13	23,2
	Б	0,9	1,3	12,8	6,6	7,1	9,9	48,4
Варварина Гора	2	1,4	3,8	20,1	41,9	11	19,3	24,4
	1	–	–	25	57	21	–	29
	2	2,3	4,5	41	40	16	18,7	15
	3	4,1	7,5	35,4	44,6	8,6	22,2	8,6
	4*	16,9	29,2	34,6	3,5	–	23,1	–

* Коллекция 2000 г.

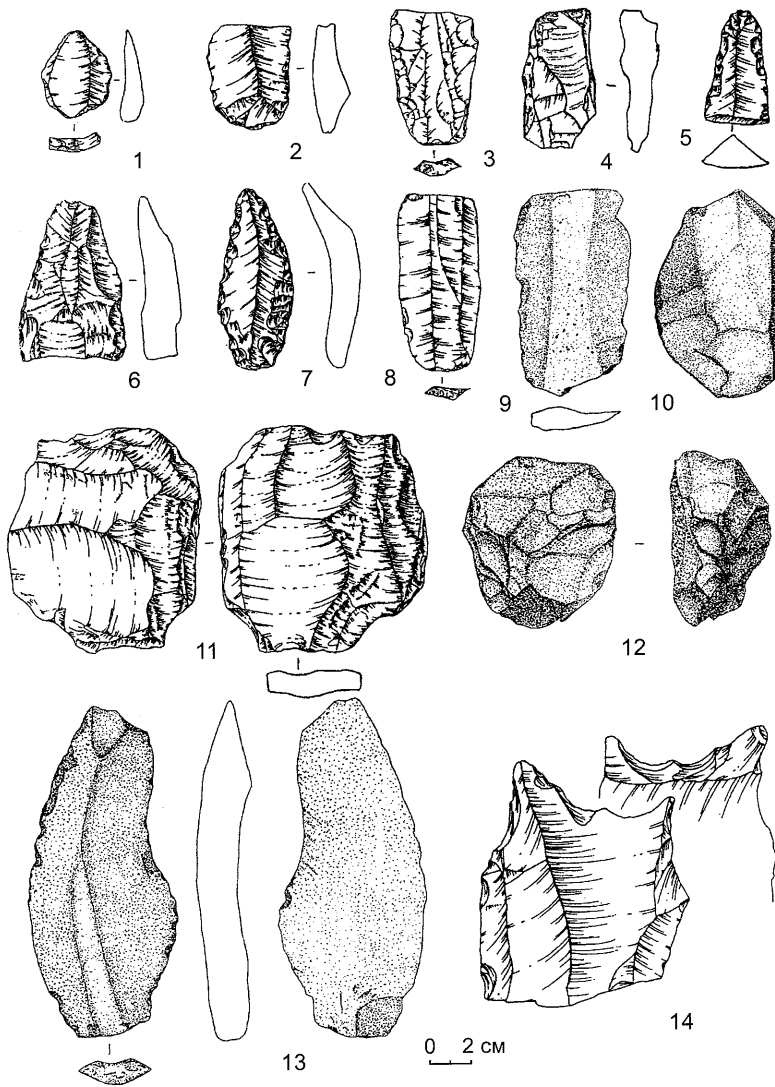

Рис. 7. Орудийный набор и нуклеусы. Хотык, 3-й уровень.
1, 3, 7, 10 – скребловидные формы; 2, 5, 8, 9 – пластины с эпизодической ретушью;
4, 11, 12 – нуклеусы; 6 – остроконечник; 13 – нож; 14 – проколка.

Орудийный набор удинских верхнепалеолитических комплексов представлен 15 – 19 типами изделий. Хорошо выражены группы ножей (однолезвийных обушковых, двухлезвийных), острий, скребел различных модификаций, зубчатых, выемчатых орудий, скребловидных форм, в том числе и высоких, прокол, долотовидных орудий (см. рис. 5, 1 – 6; 7, 1 – 3, 5 – 10, 13, 14; 9; 10; 11). Отмечается присутствие микроскребков в комплексах Каменки (Б) и Санного Мыса (3 – 5). Наибольшую вариабельность в инструментарии демонстрируют Варварина Гора, Каменка (А) и Хотык (2), что, возможно, связано с большей численностью коллекций. Орудийный набор более раннего, чем верхний палеолит, комплекса Хотыка (4) представляют полифункциональ-

ные клювовидные и зубчатые орудия (см. рис. 8, 3, 4).

Относительная однородность по ведущим морфотипам в пластинчатых комплексах свидетельствует, на наш взгляд, либо о их синхронности, либо об единой генетической основе. Сравнительные данные убедительно доказывают индивидуальность комплекса Б Каменки и ансамбля 4-го уровня Хотыка.

Технологические характеристики комплексов А Каменки и 3-го уровня Хотыка позволяют говорить об очень большой степени их родства. Типология инвентаря практически не различается по присутствию остроконечников и острий, а также наличию зубчато-выемчатых форм, ретушированных пластин, обушковых ножей. Соотношение скребков, резцов, галечных орудий практически идентично, что позволяет говорить о культурно-хронологической однородности комплексов или возможных близких функциях раскопанных участков поселений. Различная степень изученности памятников и неодинаковая вскрытая площадь не позволяют более определенно высказаться по этому поводу.

Выводы

Предлагаемое выделение промышленных комплексов основано на технико-типологических особенностях коллекций артефактов, хроностратиграфической позиции и датировках. Технокомплексы отражают, на наш взгляд, определенные факультетные этапы развития культуры человека.

Технологическая разнообразность среднепалеолитических индустрий типа Хотык (4 – 6) пока окончательно не определена, но в целом ее предварительные характеристики позволяют говорить о наличии местной генетической основы для дальнейшей эволюции как верхнепалеолитических пластинчатых технологий, так и иных техник, получивших развитие в верхнепалеолитических индустриях типа Куналея и Каменки (Б). “Переходные” и верхнепалеолитические пластинчатые комплексы, несомненно, демонстрируют последовательную эволюционную связь.

Материалы нижних уровней (5 и 6) Хотыка, открытые в полевой сезон 2001 г., находятся в стадии обработки. Предварительно индустрии 5-го и 6-го уровней можно охарактеризовать как пластинчатые, но с доволь-

но представительной группой изделий из галек (чопперы, чоппинги, изделия с “носиком”, отбойники).

Среднепалеолитический комплекс уровня 4 в целом отличается непластинчатым характером индустрии, радиальным, леваллуазским расщеплением, отсутствием продуктов призматического скалывания и элементов типологического набора верхнего палеолита. Для инструментария характерно присутствие скребел, зубчатых и клювовидных орудий, выполненных на крупных отщепках (или пластинчатых отщепках). В целом типологический набор достаточно беден. Следует отметить комплексное использование орудий, их полифункциональность. Индустрия предварительно оценивается как непластинчатая, с выраженным зубчатым компонентом. Индекс леваллуа технический – 16,9, типологический – 29,2; фасетированных площадок – 34,6; пластинчатости – 3,5; индекс мустьерского компонента – 23,1 (по материалу коллекции, полученной к 2000 г.). Последний показатель немного превышает аналогичный по “переходным” индустриям. В целом же культурный контекст памятника представляется довольно расплывчатым, но сходные технические приемы зафиксированы в комплексах среднего палеолита на Орхоне-1 и 7 [Деревянко, 2001], а также на стоянке Приисковой [Карасев, Колосов, Крушевский, 1996]. Более подробные сопоставления на настоящий момент преждевременны. Но, судя по нуклеусам и характеру заготовок, зафиксированная разновидность не является пластинчатой в основе.

Характерной чертой палеолитических забайкальских индустрий “переходного” периода и начала верхнего палеолита является присутствие элементов леваллуазских традиций в расщеплении камня и развитие как ведущей пластинчатой техники. В целом показатели леваллуа “переходных” индустрий незначительны, не более 8; однако присутствие леваллуазского компонента (в виде элементов техники леваллуа) отмечается во всех ансамблях как Удинского бассейна, так и в целом Западного Забайкалья. Он может быть выражен в присутствии черепаховидных нуклеусов леваллуа и снятий с них отщепов, пластин, острий; плоскостных нуклеусов, рассматриваемых

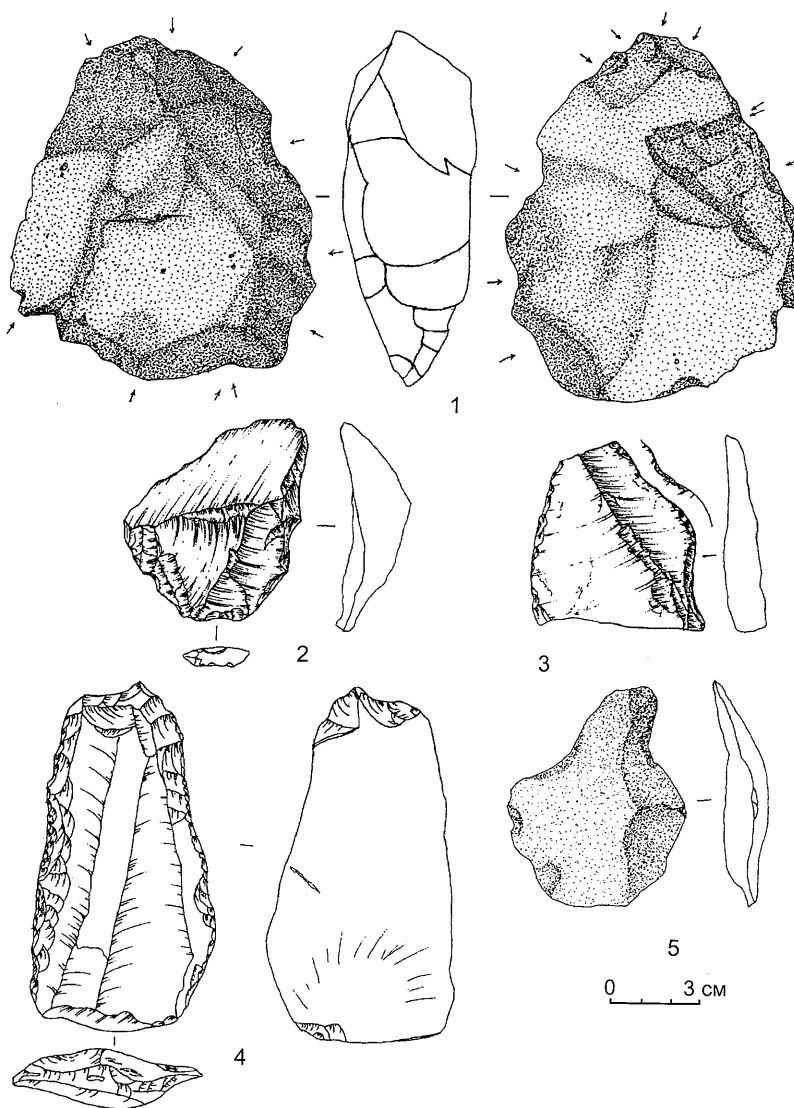

Рис. 8. Нуклеус (1), отщепы (2, 3, 5) и пластина (4). Хотык, 4-й уровень.

как результат “рекуррентной” техники, а также в индексе фасетированности ударных площадок (типа *chapeau de gendarme*).

Наряду с пластинчатой имеет место и иная традиция, представленная как результат бессистемного расщепления, выраженного в смене площадок и ориентации образуемых фронтов, дальнейшем изготовлении изделий на отщепках.

В орудийном наборе всех комплексов выделяется мустьерская группа (скребла, остроконечники, обувочные ножи – от 9,9 до 22,2%), присутствует зубчатый компонент и увеличивается доля верхнепалеолитической группы (концевые скребки, долотовидные орудия, резцы, проколки – от 8,6 до 48,4%). Причем, как нам представляется, эта тенденция развивается на протяжении 20 – 25 тыс. лет. Показатели

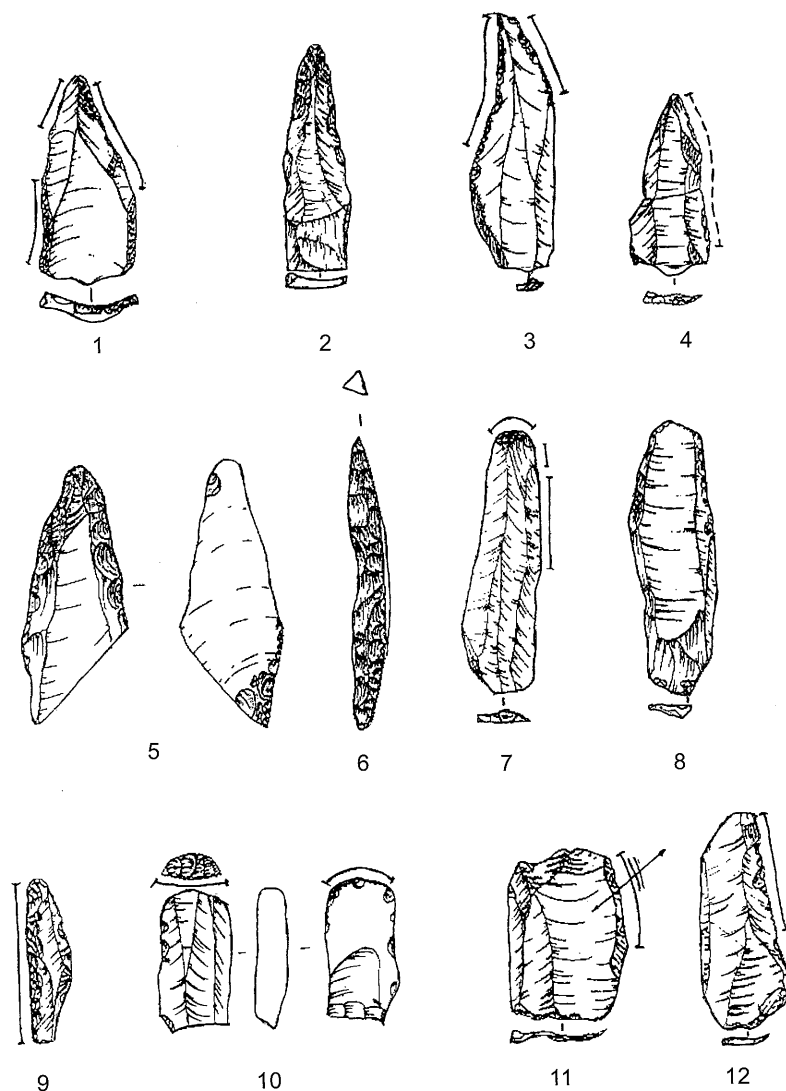

Рис. 9. Остроконечники и острия (1–6), скребки (7, 10) и ножи (8, 9, 11, 12). Каменка (А).

поздних памятников демонстрируют наиболее низкие мустьерские и наиболее высокие верхнепалеолитические индексы. Во всех коллекциях присутствуют галечные орудия: от 3 – 5% в пластинчатых индустриях до 15 – 18% в иных.

Расширяется ассортимент изделий из кости и рога, при этом отмечается появление модифицированных, сложнопрофилированных форм и предметов неутилитарного назначения с гравировкой, ритмичными насечками, нарезками [Лбова, 2000]. Изделия из кости с насечками и нарезками известны в европейских комплексах финала мустье – начальной стадии верхнего палеолита, и их интерпретация далеко не однозначна. Возможно, это одна из ранних форм геометрического орнамента, счета, передачи информации и т.д. В любом случае, перед нами явно знаковое, условно зафиксированное выражение абстракций человечес-

кого ума. Появление украшений, предметов с упорядоченными насечками, царапинами, пятнами охры и т.д., не имеющих видимого утилитарного назначения, зафиксировано в ряде памятников “переходной” эпохи в Европе и Передней Азии [Столяр, 1985; Lejeune, 1987]. Поэтому их наличие в комплексах Каменки (А) и Хотыка (2, 3), Толбаги, Подзвонкой не является сенсационным и вполне соответствует общему археологическому контексту.

Имеются определенные основания выделить комплексы А Каменки, третьих уровней Хотыка и Варвариной Горы как наиболее древние: стратиграфическая позиция, палеопедологические характеристики, радиоуглеродные даты (от 30 до 45 тыс. л.н.), кроме того, ансамбли отличаются по петрографическому составу коллекций от более поздних, собственно верхнепалеолитических. Второе подразделение образуют комплексы вторых уровней Варвариной Горы и Хотыка, которые находят прямые аналогии в технико-типологических и морфологических особенностях, структурах памятников, климатостратиграфических характеристиках местонахождений Толбага [Константинов, 1994], Подзвонка [Ташак, 1996, 2000] и коррелируемых с ними. По сведениям В.И. Ташака, на Подзвонкой ситуация может оказаться близкой к Хотыку (имеется в виду многослойность объекта), но пока материал не опубликован и не предложен в статистической обработке, трудно судить о комплексе Подзвон-

кой в целом. Близкими по различным характеристикам этим памятникам однозначно можно признать комплексы 4-го, 5-го и 6-го уровней Кара-Боба, Кара-Тенеша, пещер Страшная (слои 6, 7), Денисова (слои 9 – 11) на Алтае, стоянки Арембовского, Макарова-4 в Приангарье. Целый ряд археологических объектов с индустриями, в основе которых лежит пластинчатая техника расщепления при многообразии орудийных форм, отмечается на территории Монголии и Китая [Деревянко, 2001].

Последующие подразделения верхнего палеолита характеризуются принципиальным изменением палеотехнологий: ударная техника используется для получения крупных сколов, а для пластинок и микропластинок, составляющих ядро индустрии, применяется ручной отжим. Более поздние комплексы верхнего палеолита (Санный Мыс (6, 7), Хотык (1), Вар-

варина Гора (1)) демонстрируют новый этап эволюции пластинчатых индустрий с устойчивыми показателями развития микроиндустрии и верхнепалеолитической типологии.

Дискуссия

В технике первичного расщепления удинских индустрий “переходного” периода и верхнего палеолита (начальной стадии) отмечается сочетание леваллуазских традиций (в частности, подготовка фронта скальвания), переходных (параллельный принцип скальвания с переходом на дополнительный фронт на торце) и верхнепалеолитических (торцовые и протоклиновидные нуклеусы).

В забайкальском палеолитоведении относительно леваллуазской проблемы исследователи разделяют концепции как “леваллуа в узком смысле”, так и “леваллуа в широком смысле” [Окладников, 1981; Окладников, Кириллов, 1980; Константинов, 1994; Лбова, 2000]. Методические позиции в терминологическом определении “техники леваллуа”, теоретические посылки о локальности и стадильности развития забайкальской палеолитической культуры и месте в ней леваллуазской технологии являются определяющими критериями в решении проблемы “переходного” периода на забайкальских материалах.

На основании технико-типологического анализа памятники в районе гор Арц-Богдо Гобийского Алтая, бассейна р. Орхона, а также Забайкалья и Алтая объединялись А.П. Окладниковым в “леваллуазскую общность Сибири, Монголии и Северного Китая”. При этом “термин леваллуа имеет условный характер”, не тождественный “классической леваллуазской технике и типологии Запада” [Окладников, 1981, с. 104]. Из забайкальских памятников к этой общности исследователем отнесены Санский Мыс (очевидно, подразумевались нижние горизонты 6 и 7), Сохатино и Варварина Гора, причем последний признан “опорным памятником леваллуазского палеолита в Забайкалье” [Окладников, Кириллов, 1980, с. 57; Васильевский, 1983]. Сибирское леваллуа (по материалам Забайкалья и Алтая) “в хронологическом смысле

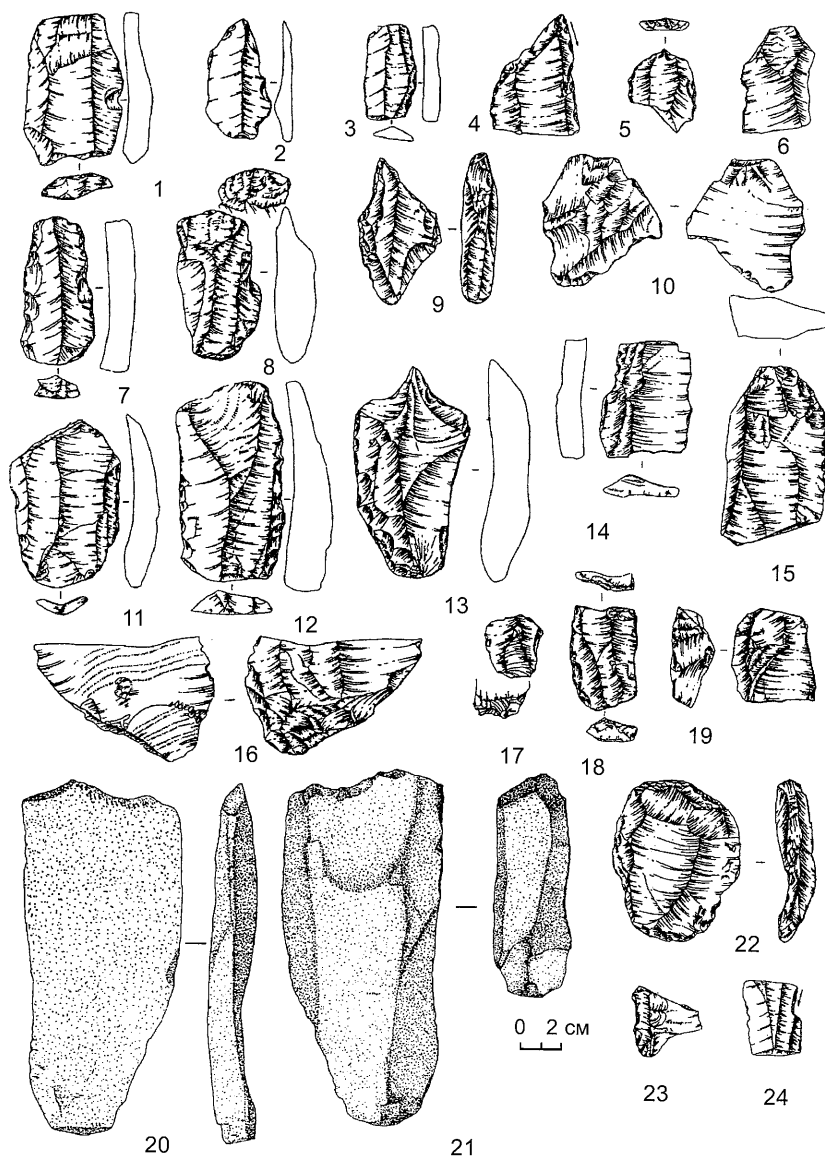

Рис. 10. Орудийный набор. Хотых, 2-й уровень.

1 – выемчатое орудие; 2, 7, 11, 22 – ножи; 3, 12, 15, 18, 19, 23 – скребла; 4, 24 – резцы; 5, 9, 13 – проколки; 6, 14 – зубчато-выемчатые орудия; 8, 17 – долотовидные орудия; 10, 16 – технические сколы; 20 – тесло; 21 – пластина с ретушью утилизации.

составляет своего рода единую пачку, соответствующую по времени концу мустье – началу верхнего палеолита” – резюмирует А.П. Окладников [1981, с. 108 – 109]. В итоге автор делает вывод: “В основе развития культуры... находится путь, который может быть назван леваллуазским. Для него характерно наличие нуклеусов и крупных пластин леваллуазского, по нашей терминологии, облика, которые сопровождаются галечными и чопперовидными нуклеусами” [Там же, с. 114].

Подобные мысли высказывает И.И. Кириллов, полагая характерным для каменной индустрии Забайкалья сочетание галечных и леваллуазских черт с пре-

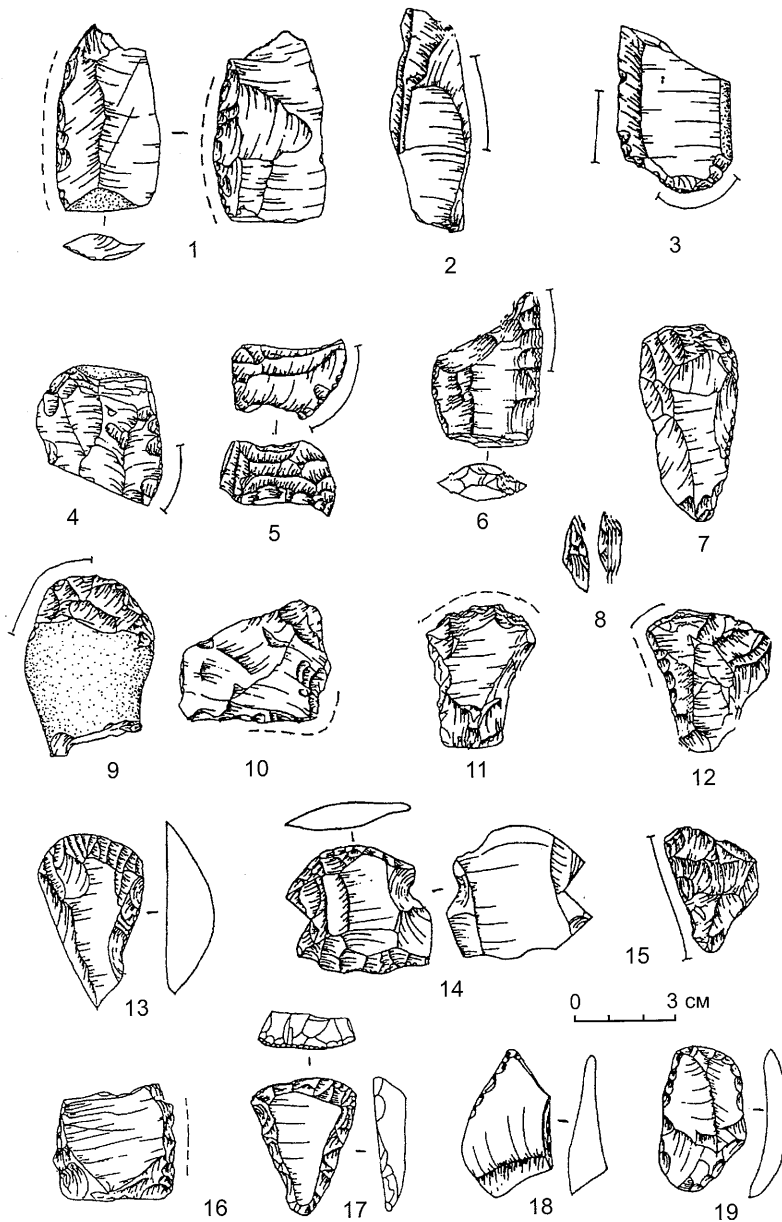

Рис. 11. Орудийный набор. Каменка (Б).
1, 2, 4 – 6 – ножи; 3, 7, 9 – 13, 15 – 17, 19 – скребки; 8 – ретзец;
14 – комбинированное орудие; 18 – проколка.

обладанием последних, причем леваллуазские ядрища постепенно трансформируются в призматические [Кириллов, 1987]. Переходными к торцовым автор считает подпризматические нуклеусы, квалифицированные как “эпилеваллуазские” [Окладников, Кириллов, 1980, с. 54].

В обзорной работе по палеолиту Северной Азии З.А. Абрамова высказывает сомнения в правомерности выделения сибирского леваллуа на забайкальских материалах, а также и определения их как леваллуа-мустьерских [Абрамова, 1989].

В работах М.В. Константинова 1970-х – начала 1980-х гг. содержится анализ некоторых леваллуазс-

ких признаков пластинчатого в основе комплекса Толбаги [Константинов, 1973; Базаров и др., 1982]. Однако в отличие от А.П. Окладникова и И.И. Кириллова, исследователь считает, “что леваллуазский этап не следует распространять на начало позднего палеолита, он остается в пределах мустьерского времени” [Базаров и др., 1982, с. 10]. Подчеркивая, что “толбагинская индустрия, несомненно, уходила своими корнями в леваллуазскую, но таковой она уже не являлась”, автор не соглашается с точкой зрения А.П. Окладникова и И.И. Кириллова о выделении “леваллуазского этапа” или “сибирской фации леваллуа” на забайкальских памятниках начального этапа верхнего палеолита [Там же]. На наш взгляд, действительно приведенные А.П. Окладниковым комплексы (Санний Мыс, Варварина Гора и т.п.) в большей степени отражают не леваллуазский этап развития индустрии, а качественно иной – призматический. В последних работах 1990-х гг. М.В. Константинов характеризует толбагинскую индустрию как средне- и крупнопластинчатую, основанную на применении преимущественно призматической техники расщепления с реликтами леваллуазских приемов и попытками найти новые, прогрессивные варианты с использованием крупных торцовых нуклеусов. Верхняя граница леваллуа, а вернее, бытования леваллуазских приемов, поднимается до конца плейстоценового времени и обнаруживается в верхних слоях Санного Мыса [Васильев и др., 1993; Константинов, 1994]. В рабо-

те К. Эскютенэр-Ситливой и В. Ситливого индустрия Толбаги оценена в целом как нелеваллуазская с преобладанием полярного скалывания, элементами рекуррентного метода и присутствием микронуклеусов [Escatenaire-Sitlivy, Sitlivy, 1996].

В связи с дискуссионностью и сложностью проблемы перехода от среднего к верхнему палеолиту, а также предложениями последних лет относительно путей ее решения [Каменный век..., 1989; Voeda, 1988; Van-Peer, 1992; Деревянко, Холушкин, Ростовцев, Воронин, 1998; Нехорошев, 1999] выделение индекса леваллуа на материалах комплексов начала верхнего палеолита, очевидно, не имеет особого смысла.

Введение двух леваллуазских индексов (леваллуа типологического и леваллуа технического), несомненно, представляется значимым для позднемустьерских и “переходных” комплексов. Нами подсчитан индекс леваллуа (в расширенном толковании леваллуазской технологии) для памятников Удинского бассейна (острия, пластины, отщепы, нуклеусы) на основании технико-типологических особенностей сколов и морфологии ядрищ. Как нам представляется, полученные показатели, не превышающие 8%, не могут играть определяющую роль в оценке “переходных” индустрий, однако характеризуют их облик в целом (см. табл. 2).

Пластинчатость снятых заготовок определяется качеством исходного сырья, стратегией расщепления, подготовкой рабочей поверхности, площадок и, очевидно, фасетированием ударной площадки для последующего скола. Возможно, именно этим следует объяснить и высокий индекс фасетированности в комплексе А Каменки. Индексы фасетированности (тонкой и грубой подправки) показывают технологическое своеобразие индустрий уровней 2, 3 Хотыка и А Каменки, в отличие от пластинчатых же комплексов уровней 2 Варвариной Горы и 1 Хотыка. Следует отметить, что индустрия 2-го уровня Хотыка находит близкие аналогии в других забайкальских комплексах типа Толбаги, а более ранние по геостратиграфической позиции индустрии уровней 3 Хотыка и А Каменки демонстрируют своеобразие в локальном контексте.

Практически все рассматриваемые пластинчатые технологии основаны на единой стратегии расщепления и получения пластин различных размеров и типов *ударом* с использованием различных способов подготовки зон расщепления при разных формах ядрищ (с преобладанием плоскостных, призматических и подпризматических) и, как правило, принципа встречного снятия.

На наш взгляд, не совсем ясны позиции в отношении наполнения понятий “переходные индустрии” и “начальная фаза верхнего палеолита”. Многие исследователи для межрегиональных корреляций объединяют сходные технологически и хронологически комплексы в рамках термина “пласт”, под которым понимается “условная группировка артефактов в крупные подразделения на основании совмещения показателей относительной стратиграфии, степени корразии, петрографии и морфологии изделий” [Медведев, Складчиков, 1982]. Для североазиатского палеолита введено в научный оборот понятие “карабомовский” (или “макаровский”) пласт как межрегиональная археолого-стратиграфическая система, объединяющая индустриальные комплексы, не относящиеся к “одной археологической культуре”, но существующие в одно время и обладающие принципиально общими технологическими характеристиками [Деревянко, Петрин,

1988; Деревянко, Холушкин, Ростовцев, Воронин, 1998; Рыбин, 1999]. В рамках этого понимания культурных проявлений второй и третьей макрокомплексы Удинского бассейна соответствуют признакам “карабомовского” (“макаровского”) пласта и квалифицируются как переходные индустрии (от средне-к верхнепалеолитическим).

Материалы “переходного” периода в целом сочетают технико-типологические признаки мустье и начальной стадии верхнего палеолита. Судя по морфологии продуктов расщепления, для индустрий этого периода характерно сочетание традиций леваллуазского, плоскостного, призматического расщепления и прототорцового скальвания. Первичное расщепление основано преимущественно на параллельном и субпараллельном принципах скальвания. Леваллуазская техника играет подчиненную роль, существуя как элемент подготовки ядрища. Появляется торцовое скальвание и примитивные клиновидные формы, которые являются конечным этапом утилизации плоскостного нуклеуса при параллельном принципе скальвания. Индекс пластинчатости в Забайкалье не менее 40, показатели фасетированности довольно высокие.

Техника вторичной обработки представлена широким спектром при преобладании краевого дорсального ретуширования, развита техника резцового скола, намеренной фрагментации и вентральной подтески. Ведущим сколом-заготовкой для орудий является пластина или ее фрагменты. Орудийный комплекс содержит удлиненные остроконечники и ретушированные пластины, обушковые ножи, модификации скребел мустьерского облика, зубчатые и выемчатые формы, орудия типа *déjéte*, а также концевые скребки, в том числе высокой формы, резцы, проколки, различные комбинированные вариации на одной заготовке. Показательны остроконечники с утонченной базой. Бифасиальная обработка единична.

Пластинчатые комплексы Удинской лесостепи по геостратиграфическим и технико-типологическим показателям входят в единую зону, имевшую “достаточно высокую степень коммуникационных связей”. Эта огромная территория характеризуется “общими ритмами культурно-исторического развития в местных леваллуа-мустьерских каменных индустриях, на основе которого в дальнейшем сформировались индустрии позднего палеолита” [Археология..., 1998, с. 134]. Генетические корни пластинчатых комплексов видятся в леваллуазских индустриях Центральной, Средней Азии и Алтая [Деревянко, 2001].

Иную технологическую линию демонстрирует верхнепалеолитические Каменка (Б), Мухор-Тала-4, Куналей (в Забайкалье), Куртак-4 (на Енисее), определенное сходство обнаруживается в некоторых позднепалеолитических комплексах пещерных памят-

ников Северо-Западного Алтая [Анойкин, 2000] и Монголии [Деревянко, 2001]. Техника первичной обработки характеризуется значительной долей леваллуазского непластинчатого и радиального расщепления, довольно хорошо развита микротехника. В орудийном наборе явно доминируют верхнепалеолитические типологические группы – скребки высокой формы, резцы, долотовидные орудия. Известны факты наличия бифасиальных изделий. Орудия из кости и рога единичны. Пока генезис этой технологической линии развития не совсем понятен, но, вероятно, ее истоки в местной непластинчатой разновидности среднепалеолитической фации.

Список литературы

- Абрамова З.А.** Палеолит Северной Азии // Палеолит мира: Кавказ и Северная Азия. – Л.: Наука, 1989. – С. 145 – 244.
- Антощенко-Оленев И.В.** История природных обстановок и тектонических движений в позднем кайнозое Западного Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1982. – 158 с.
- Анойкин А.А.** Поздний палеолит Северо-Западного Алтая (по материалам пещерных стоянок): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2000. – 22 с.
- Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая / А.П. Деревянко, А.К. Агаджаниян, Г.Ф. Барышников, М.И. Дергачева, Т.А. Дупал, Е.М. Малаева, С.В. Маркин, В.И. Молодин, С.В. Николаев, Л.А. Орлова, В.Т. Петрин, А.В. Постнов, В.А. Ульянов, И.Н. Феденева, И.Ф. Форонова, М.В. Шуньков.** – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 174 с.
- Базаров Д.-Д.Б., Константинов М.В., Иметхенов А.Б., Базарова Л.Д., Савинова В.В., Семина Л.В.** Геология и культура древних поселений Юго-Западного Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1982. – 164 с.
- Буерачный Э.В., Лбова Л.В.** Технология расщепления индустрии Каменка (А) // Палеогеография каменного века: Корреляция природных событий и археологических культур палеолита Северной Азии и сопредельной территории: Материалы междунар. конф. – Красноярск: КГУ, 2000. – С. 22 – 24.
- Буянтуев Б.Р.** Физико-географическое описание // Геология СССР. – М.: Недра, 1964. – Т. 35. – Ч. 1: Бурятская АССР: Геологическое описание. – С. 16 – 35.
- Васильев С.Г., Базарова Л.Д., Константинов М.В., Константинов А.В.** Палеолитическое жилище на Санном Мысе: характер и возраст // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 27 – 36.
- Васильевский Р.С.** Леваллуазские традиции в каменных индустриях Северной Азии и Северной Америки // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 27 – 36.
- Вашукевич Н.В., Дергачева М.И., Феденева И.К., Гранина Н.И.** Педогенные характеристики и вещественный состав отложений объектов Хотык и Хотогой-Хабсагай // Палеоэкология человека Байкальской Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 51 – 54.
- Гиря Е.Ю.** Технологический анализ каменных индустрий: Методика микро- и макроанализа древних орудий труда. – СПб.: Изд-во ИИМК, 1997. – Ч. 2. – 198 с.
- Грачев М.А., Лихошвай Е.В., Воробьева С.С., Хлыстов О.М., Безрукова Е.В., Вейнберг Е.В., Гольдберг Е.Л., Гранина Л.З., Корнакова Е.Г., Лазо Ф.И., Левина О.В., Легунова П.П., Огинов П.В., Пирог В.В., Федотов А.П., Яскевич С.А., Бобров В.А., Сухоруков Ф.В., Резчиков В.И., Федорин М.А., Золотарев К.В., Кравчинский В.А.** Сигналы палеоклиматов верхнего плейстоцена в осадках озера Байкал // Геология и геофизика. – 1997. – Т. 38, № 5. – С. 957 – 980.
- Деревянко А.П.** Переход от среднего к позднему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 70 – 103.
- Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А.** Палеолитоведение: Введение и основы. – Новосибирск: Наука, 1994. – 287 с.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т.** Пространственный и временной аспекты существования комплексов каменных индустрий инвентарного типа Кара-Бом // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1988. – С. 8 – 11.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М.** Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 279 с.
- Деревянко А.П., Холушкин Ю.П., Ростовцев П.С., Воронин В.Т.** Статистический анализ позднепалеолитических комплексов Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 89 с.
- Дергачева М.И., Феденева И.К., Лбова Л.В., Ануфриева Р.Г.** Условия обитания позднепалеолитического человека на Варвариной Горе: реконструкция по педогенным признакам // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 115 – 123.
- Дроздов Н.И.** Этапы развития каменного века в плейстоцене Средней Сибири: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1992. – 59 с.
- Калмыков Н.П.** Териофауна Удинской лесостепи (стоянка Хотык-3) // Палеоэкология человека Байкальской Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 41 – 43.
- Каменный век: памятники, методика, проблемы.** – Киев: Наук. думка, 1989.
- Карасев В.В., Колосов В.К., Крушевский В.В.** Палеолитическое местонахождение Приисковое // Новые палеолитические памятники Забайкалья. – Чита: Изд-во ЧГПИ, 1996. – С. 70 – 97.
- Кириллов И.И.** Толбагинская палеолитическая культура Забайкалья и ее корреляция с культурами сопредельных территорий // Древности Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 124 – 128.
- Константинов М.В.** Толбага – новое палеолитическое поселение в долине р. Хилок (Западное Забайкалье) // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1973. – С. 28 – 29.
- Константинов М.В.** Палеолитические памятники р. Хилок (по разведке 1971 г.) // Археология Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 40 – 48.

- Константинов М.В.** Каменный век восточной провинции Байкальской Азии. – Улан-Удэ; Чита: Б.и., 1994. – 179 с.
- Константинов М.В.** Каменный век восточного региона Байкальской Азии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 1995. – 43 с.
- Кузнецова В.Н.** Петрографический анализ артефактов стоянки Хотык // Палеоэкология человека Байкальской Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 37 – 40.
- Лбова Л.В.** Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 240 с.
- Лбова Л.В.** Перспективы исследования геоархеологического объекта Засушино (Восточное Прибайкалье) // Современные проблемы евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001а. – С. 225 – 229.
- Лбова Л.В.** Палеолит предгорных районов Западного Забайкалья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2001б. – 53 с.
- Лбова Л.В., Резанов И.Н., Коломиец В.Л., Савинова В.В., Дергачева М.И., Ващукевич Н.В., Перевалов А.В., Резанова В.П., Калмыков Н.П.** Изменения природной среды и климата в позднем плейстоцене и голоцене в центральной зоне Западного Забайкалья (по данным геоархеологических объектов Онинского комплекса) // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ, 2000. – Вып. 2. – С. 288 – 301.
- Лбова Л.В., Савинова В.В., Ващукевич Н.В.** Биостратиграфический контекст отложений Хотыкского комплекса // Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез: Тез. междунар. симпоз. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 45 – 47.
- Медведев Г.И., Несмеянов С.А.** Классификация культуросодержащих отложений // Методические проблемы археологии Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 45 – 55.
- Медведев Г.И., Скляревский М.Я.** Проблемы изучения палеолитических изделий из камня с эоловой коррозией обработанных поверхностей // Проблемы археологии и этнографии Сибири. – Иркутск: ИГУ, 1982. – С. 41 – 43.
- Нехорошев П.Е.** Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. – СПб.: ИИМК, 1999. – 47 с.
- Оводов Н.Д.** Фауна палеолитических поселений Толбага и Варварина Гора в Западном Забайкалье // Природная среда и древний человек в позднем антропогене. – Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1987. – С. 122 – 140.
- Окладников А.П.** Палеолит Забайкалья: Общий очерк // Археологический сборник. – Улан-Удэ: Бургиз, 1959. – № 1. – С. 5 – 26.
- Окладников А.П.** Палеолит Центральной Азии: Мойлтын-Ам (Монголия). – Новосибирск: Наука, 1981. – 459 с.
- Окладников А.П., Кириллов И.И.** Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.
- Равский Э.И., Александрова Л.П., Вангенгейм Э.А., Гербова В.Г., Голубева Л.В.** Антропогеновые отложения юга Восточной Сибири. – М.: Наука, 1964. – 336 с. – (ТГИН; Вып. 105).
- Резанов И.Н.** Кайнозойские отложения и морфоструктура Восточного Прибайкалья. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 37 – 68.
- Резанов И.Н., Коломиец В.Л., Лбова Л.В., Перевалов А.В., Резанова В.П.** Геология, геоморфология и хроностратиграфия Онинского геоархеологического района // Палеоэкология человека Байкальской Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 8 – 17.
- Рыбин Е.П.** Начало верхнего палеолита на территории Южной Сибири (по материалам памятников кара-бомовского пласта): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1999. – 22 с.
- Савинова В.В.** Палинологические характеристики геоархеологических объектов Онинского района // Палеоэкология человека Байкальской Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 49 – 50.
- Столяр А.Д.** Происхождение изобразительного искусства. – М.: Искусство, 1985. – 299 с.
- Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири (к XIII конгрессу ИНКВА).** – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1990. – 165 с.
- Ташак В.И.** Палеолит и мезолит юга Бурятии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 1996. – 23 с.
- Ташак В.И.** Датирование верхнепалеолитического поселения Подзвонкая и начало верхнего палеолита на юге Бурятии // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: Археология. Этнология. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – С. 25 – 29.
- Шуныков М.В.** Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая. – Новосибирск: Наука, 1990. – 159 с.
- Boeda E.** Le concept levallois et evolution de son camp d'application // L'Homme de Neandertal. – Liège: Université de Liège, 1988. – Vol. 3. – P. 13 – 59. – (Etudes et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège; N 31).
- Escatenaire-Sitlivy C., Sitlivy V.** Variabilité des technologies laminaires avant le Paléolithique supérieur classique dans la région du lac Baïkal (Sibérie, Russie): Etude complete du materiel, analyses comparatives avec l'Europe occidentale // Prehistoire Européenne. – 1996. – Vol. 8. – P. 49 – 96.
- Germonpre M., Lbova L.** Mammalian remains from the Upper Paleolithic site of Kamenka (Buryatia – Siberia) // Journal of Archaeological Science. – 1996. – N 23. – P. 35 – 57.
- Lejeune M.** L'art mobilier paleolithique et mesolithique en Belgique. – Liege: Editions du C.E.D.A., – 1987. – 82 p.
- Van-Peer Ph.** The Levallois Reduction Strategy. – Madison: Prehistory Press, 1992. – 137 p. – (Monographs in World Archaeology; N 13).

Материал поступил в редколлегию 19.11.2001 г.

УДК 903.53

В.Д. Кубарев¹, Д. Цэвээндорж²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: vd@online.nsk.su

²Институт истории АН Монголии
ул. Шуудангийнслбар, 19, Улан-Батор, Республика Монголия
E-mail: dtseveen@yahoo.com

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ МЕМОРИАЛЫ АЛТАЯ

Введение

В 1969 г. была создана Советско-Монгольская историко-культурная экспедиция (СМИКЭ)*, которая с небольшими перерывами работает на территории Монголии до сегодняшнего дня. Судя по опубликованным результатам работ экспедиции, монгольская часть Алтая, самая высокогорная и отдаленная в республике (рис. 1), остается настоящим археологическим заповедником. Здесь наряду с многочисленными древнейшими памятниками (палеолитические местонахождения, петроглифы, оленные камни и керексуры) широко распространены курганы ранних и средневековых кочевников, а также древнетюркские мемориальные комплексы. Только на территории двух аймаков, граничащих с Россией и Китаем, по нашим сведениям, сосредоточено более 200 каменных изваяний древних тюрков. Многие монументы в мемориалах пострадали, не выдержав испытание временем, но в глухих малодоступных горных ущельях (рис. 2) они сохранились практически в первозданном виде (рис. 3, 4). Любой исследователь понимает, что именно такие памятники представляют большой научный интерес и перспективны для получения новых данных по древней истории народов Центральной Азии. К сожалению, до сих пор нет единого монографического исследования каменных изваяний Монголии, хотя первые краткие сведения о них были опубликованы еще в прошлом веке [Потанин, 1881, с. 72 – 73, рис. 34; Granö, 1910, S. 29 – 30, Taf. XIII, XIV и т.д.].

* В 1995 г. переименована в Российско-Монголо-Американскую экспедицию.

В последние два десятилетия появился ряд интересных книг, статей и сообщений, посвященных каменным изваяниям и мемориальным памятникам Монголии. Так, по материалам СМИКЭ 1979 – 1982 гг. Ю.С. Худяковым написана статья, в которой классифицированы рядовые тюркские оградки Монголии [1985]. Им же в соавторстве с Ю.А. Плотниковым опубликованы результаты исследований (1986 – 1987 гг.) древнетюркских мемориальных памятников у северных отрогов хребтов Хан-Хухий и Тогтохын-Шил [1990].

Большой резонанс в научном мире получила монография В.Е. Войтова [1996], в которой подведен итог многолетним исследованиям “каганско-княжеских” мемориалов Монголии. В книге, надо отдать должное автору, собраны воедино, упорядочены и интерпретированы многочисленные новые данные. В.Е. Войтовым учтено, обследовано и изучено 87 памятников, материалы которых представляют собой серьезный вклад в древнетюркскую археологию Центральной Азии.

Из монгольских коллег необходимо отметить Д. Баяра, последовательно и целенаправленно занимающегося изучением монументальных средневековых памятников [Байэр, 1994; Баяр, 1997; Баяр, Эрдэнэбаатар, 1999]. Нельзя не сказать и о публикации краеведов Т. Бямбадоржа и Ч. Амартушвина, в которой представлены 90 каменных фигур из Увсунурского аймака [1998]. Крупным достижением в области исторической науки является издание монгольскими коллегами своеобразной энциклопедии древних памятников, где значительное место отведено произведениям монументального искусства – оленным камням и каменным изваяниям тюрко-мон-